

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНА «ОТСУТСТВУЮЩИЙ ОТЕЦ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В современном обществе исследователи фиксируют тенденцию «потери отца», то есть возрастание числа семей, в которых отец либо вообще не присутствует в жизни детей, либо его присутствие формально. Данная практика обозначается термином «отсутствующий отец». Ее корни восходят к традиционному канону маскулинности, в рамках которого мужчина должен избегать проявления своих чувств и ориентироваться на внесемейную самореализацию. Эталон маскулинности формировался в рамках западной дуалистической философии, поэтому проблема «отсутствующего отца» должна быть осмыслена, прежде всего, в философской перспективе.

Ключевые слова: философия; отцовство; маскулинность; «настоящий мужчина».

Современное российское общество переживает ряд существенных трансформаций. Одним из таких изменений является тенденция «потери отца». На первый взгляд, эта проблема имеет своим истоком недавнее сложное прошлое нашей страны, а именно: массовые репрессии 20–40-х гг. XX в., потери во Второй мировой войне. Как итог – неполная семья для Советской России не была редкостью, а отсутствие отца представлялось почти что нормой. Семья, в которой впоследствии родилась и выросла автор этой статьи, например, до войны представляла собой вполне традиционную ячейку общества: отец, мать, сын и две замужние дочери. После войны – три вдовы.

Необходимо иметь в виду, что в середине XX в. потеря отца происходила вследствие масштабных социально-политических катаклизмов. В конце XX – начале XXI в. отцы покидают семью по собственной воле. 26 апреля 2012 г. на Пятом съезде детских омбудсменов уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов сообщил, что число неполных семей за последние годы выросло в России до 30% [1]. Матерей-одиночек насчитывается в России в 2012 г. 5,6 миллиона. Эта цифра, однако, не учитывает количество детей, которые официально имеют отца, однако фактически с ним не проживают и не общаются. Более того, тенденция «потери отца» касается даже полных семей, поскольку во многих из них отец полностью поглощен процессом зарабатывания денег, личными увлечениями, в худшем случае – асоциальными, ведущими к полной деградации личности занятиями. Даже присутствуя в семье физически, как кормилец и номинальный глава, мужчина может отсутствовать в жизни своего ребенка в качестве отца. В исследовательской литературе этот печальный феномен получил название «отсутствующий отец». Отечественная исследовательница И.С. Клецина определяет данное явление следующим образом: ««Отсутствующий отец» – это отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец – это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми» [2. С. 38]. Причины этого сложного явления связываются, как правило, с общим кризисом маскулинности, который с конца 1970-х гг. неизменно фиксируется в различных социальных исследованиях.

Современное общество предъявляет по отношению к мужчине ряд противоречащих друг другу требова-

ний. Например, быть мужчиной сегодня означает быть успешным в карьере (жестким, целеустремленным стратегом, действия которого подчиняются лишь логике и здравому расчету), но, с другой стороны, мужчина, чтобы быть «настоящим», должен иметь тонкую душевную организацию, быть способным на искренние и глубокие чувства. Эта привлекательная картинка, однако, довольно трудноосуществима в действительности. Особенно ярко это противоречие проявляется в семье, где мужчина сталкивается с очень сложной и практически неосуществимой задачей – он должен выполнять функции кормильца семьи, успешного лидера, строящего карьеру и умножающего материальное благосостояние семьи, но, одновременно с этим, он должен быть ласковым мужем и внимательным отцом, посвящающим достаточно много времени формированию и поддержанию эмоционально благополучной атмосферы в семье. И хотя и та и другая роль в целом могут быть оценены положительно, они предполагают развитие слишком разных личностных качеств, чтобы было возможно их непротиворечивое воплощение в жизни одного человека.

Предъявление мужчине противоречащих друг другу социальных требований должно быть рассмотрено как одна из основных причин потери здоровья современными мужчинами, их ранней смертности, общего психологического и экономического прессинга, под знаком которого протекает жизнь современного мужчины, а также проблемы мужского суицида, алкоголизма, наркомании, игромании и т.п. Если внимательно вдуматься в перечисленные негативные последствия, то каждое из них можно рассмотреть и в тесной связи с кризисом отцовства: потеря отца, его трагическое отсутствие – полное или эмоциональное – также должно быть рассмотрено в свете устоявшихся представлений о маскулинности.

Классический эталон маскулинности рассматривает мужское поведение в контексте определенной, обусловленной философским дуализмом, структуры бинарных оппозиций: разум / чувства, добро / зло, трансцендентное / имманентное, духовное / телесное, внешнее / внутреннее и т.д. Мужественность должна быть воплощением первого ряда категорий, и только тогда она представляет собой осмысленное и достойное уважения явление – «настоящую мужественность». Эта модель мужественности воспроизводится на протяжении всей истории западной философии, от Пифагора и

Платона до Артура Шопенгауэра, Отто Вейнингера и Жана Бодрийера в XIX–XXI вв.

Необходимо, наконец, рассмотреть указанный классический эталон маскулинности в тесной связи с современным кризисом отцовства и разработать стратегию преодоления этой устоявшейся, распространенной, но чрезвычайно «вредной для здоровья» философской модели.

Формирование категории «мужественность» в классической западной философии. Известный российский исследователь Сергей Ушакин вводит в своих работах термин «муже(N)ственность», чтобы подчеркнуть принципиальную соотносимость мужского и женского начал, невозможность экспликации одного из них без обращения к другому. «Именно эта постоянная потребность в Другом, именно эта радикальная (или радикализованная?) оппозиционность женственности, с помощью которой мужественность поддерживает видимость своей категориальной самостоятельности, и превращает ее в муже(N)ственность, где неизвестность N одновременно является источником и постоянного беспокойства, и постоянной потребности в иллюзорной реставрации никогда не существовавшей “целостности”, будь то целостность понятия или целостность идентичности» [3. С. 205]. Таким же образом категория мужественности в классической западной философии формировалась именно в контексте противопоставления мужского и женского начал, которые, в свою очередь, были вписаны в целый ряд основополагающих бинарных оппозиций.

Фундаментом классической метафизики является дуализм имманентного / трансцендентного, который обуславливает ось бинарной репрезентации онтологической, гносеологической, антропологической и этической философских перспектив. По мере того как собственно антропологическая проблематика приобретает решающее значение для западного мышления, дуалистические бинарные оппозиции становятся основным структурообразующим элементом антропологических конфигураций. Такие полярности, как разум / тело и субъект / объект опосредуют и фундируют дихотомию мужское / женское. При этом мужское начало является носителем разума и субъектности, понимаемых как совокупность духовного, сознательного, рационального, активного, внешнего и т.п., а женское начало репрезентирует собой телесность и объектность, выражаемые чувственным, бессознательным, иррациональным, пассивным и внутренним.

Как замечает Сергей Жеребкин, «логика бинарных оппозиций, в которой мужское является субъектом, а женское – объектом, является концептуальной основой патриархатной метафизики в целом, которую в современной философии называют фаллоцентризмом, подчеркивая тем самым, что по видимости бесполой приоритет разума-логоса в ней на самом деле неразрывно связан с приоритетом мужского начала и присущих ему атрибутов и характеристик» [4. С. 391]. Поэтому совершенно естественным для западного мышления является перенос аксиологического приоритета разума над телесностью и чувственностью на взаимоотношения мужского и женского начал. Иначе говоря, сама по себе женская телесность в патриархатной фи-

лософской градации репрезентируется как стихийное и разрушительное природное начало, влияние которого на культуру несет в себе угрозу и должно быть нейтрализовано [Там же]. Утверждение «стихийности» женского начала провоцирует некую двойственность его осмысления: с одной стороны, женщина есть некий неразумный, ускользающий от рационализации феномен, а с другой стороны, по этой же причине она есть то, что необходимо рационализировать, что является собой, по сути, познаваемый объект эпистемологии. Как замечает современная феминистская исследовательница Элизабет Гросс, «Женщина (с большой буквы в единственном числе) остается вечной философской загадкой, таинственным и непостижимым объектом – что, возможно, является результатом в чем-то мистического и весьма зауженного и ограниченного статуса, отводимого телу вообще, и женскому телу в частности, в толковании философии как способа познания» [5. С. 601].

В историко-философской перспективе чрезвычайно трудно обозначить некоторый исток, период возникновения оппозиционной структуры метафизики. Как отмечает та же Э. Гросс, «с самого возникновения философии как отдельной и самостоятельной дисциплины в Древней Греции она обосновалась на принципах абсолютной соматофобии... Бинаризация полов, дихотомическое разделение мира и познания уже было сформировано накануне возникновения западного менталитета» [5. С. 602].

Первый пример соотнесения различия полов с фундаментальными дуальными принципами устройства сущего в западной философской традиции встречается уже в учении Пифагора. Философ утверждал, что, будучи архэ мироздания, число само складывается из двух элементов – беспрельного и ограниченного. В зависимости от преобладания того или иного элемента все числа, а следовательно, предметы и явления окружающего мира, можно разделить на два противоположных друг другу типа. Так, к первому типу можно отнести, например, нечетное, хорошее и мужское, а ко второму – четное, плохое и женское.

Афинская школа в лице прежде всего Платона и Аристотеля сформулировала и утвердила основные принципы патриархатной философии. Разумное начало, ассоциирующееся с мужественностью, репрезентируется как высшее совершенство и в структуре мироздания, и в человеческом существе. Тожество абсолютного Блага, Разума и Красоты является аксиомой греческого мировосприятия. С другой стороны, полюс несовершенства представлен неоформленной материей в мире и телесностью в человеке, которые ассоциируются с женским началом. «Поэтому, – утверждает Сергей Жеребкин, – принцип подчинения телесного / женского начала разумному / мужскому выступает у философов афинской школы основополагающим принципом философского знания, целью которого является формирование установки субъекта на достижение максимального рационального контроля над чувственностью» [4. С. 392].

Эта установка, будучи сформулирована в Античности, с успехом была усвоена и последующими эпохами: Ориген, Тертуллиан, Августин Аврелий, Ансельм Кен-

терберийский, Пьер Абеляр, Фома Аквинский, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, О. Вейнингер и др. продолжали воспроизводить в понимании мужского и женского классическую бинарную схему. Концепция О. Вейнингера, например, уже в XX в. противопоставляет мужское и женское как две диаметрально противостоящие друг другу крайности. Первая из них несет в себе все положительное культурное и смысловое содержание (рациональность, духовность, осмысленность, гениальность, потенциал действительного творчества и познания), тогда как вторая представляет собой все самое ничтожное, бессубъектное, вещное в человеке. «Как бы низко ни стоял мужчина, он все же бесконечно выше самой возвышенной женщины, – обобщает О. Вейнингер, – настолько выше, что не может быть речи о сравнении, о сопоставлении» [6. С. 161]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что западная философия эксплицировала основные характеристики мужского, во-первых, в противопоставлении женскому началу, а во-вторых, в контексте более широкой онтологической перспективы.

Итак, эталон мужественности, сформированный и закрепленный классической философской традицией, предполагает наличие, утверждение и демонстрацию следующих качеств: разум, духовность, трансцендентность, субъективность, активность (в том числе сексуальная). Поскольку данные характеристики обладают метафизическим смыслом лишь в соотношении с женским началом, то могут быть переформулированы следующим образом: сверхчувственность (или не чувственность, презрение к чувственности), сверхтелесность, не объектность, не пассивность и т.п. Другими словами, мужчина, чтобы считаться настоящим, не должен проявлять тех качеств, которые считаются женскими по природе.

Мужское и женское, репрезентируемые оппозиционно, в рамках дуалистической философской парадигмы вполне коррелируют с общим представлением об устройстве сущего и человека. Однако перенесенные и распространенные на внутрисемейное пространство, эталон мужественности и эталон женственности трансформируются в совершенно определенные роли отца и матери, влияющие на становление личности рожденного и воспитанного в этой семье ребенка. Семья – есть главное поле столкновения бинарных оппозиций и самый важный показатель их «эффективности».

Феномены «традиционного» и «отсутствующего отца» как следствия реализации классического эталона маскулинности. Классическое представление о маскулинности предполагает формирование в мужчине совершенно определенных качеств. Их проявления должны быть очевидными во всех сферах жизни. Поэтому традиционное представление о «настоящем мужчине» в семейных отношениях реализуется в образе традиционного отца. Как отмечает И.С. Клецина, «традиционно гендерная роль отца, хотя и весьма различающаяся в разных культурах, сводится к следующим главным функциям: 1) обеспечение семьи / детей; 2) защита семьи / детей; 3) утверждение родительской власти как средства воспитания детей, приучение их к дисциплине, порядку, в случае необходимости – нака-

зание детей» [2. С. 38]. Все три функции не имеют отношения к эмоциональной стороне взаимоотношений с детьми и не предполагают деятельного соучастия в их жизни. Обеспечение, защита и контроль вполне осуществимы при отстраненном отношении к собственным детям. Более того, властные полномочия отца еще больше утверждаются посредством искусственного поддержания дистанции. Так, у многих народов безусловный авторитет отца был тесно связан с его неучастием в воспитании ребенка во время младенчества. Например, на Руси существовали многообразные обычаи магической защиты детей от злых духов с помощью символической демонстрации мужских атрибутов. По сообщению В.Г. Холодной, в Ярославской и Тульской губерниях новорожденных детей принимали в отцовские штаны, чтобы избавить их от возможной смерти. А на Гуцульщине в преддверии родов женщина надевала мужскую одежду, которую уже после родов использовала для пеленания младенца [7. С. 172].

Однако символическое осуществление защиты младенца не предполагало реального участия в его жизни. По существу, до определенного возраста забота о ребенке ложилась на плечи исключительно матери и старших дочерей. «До окончания младенческого возраста отец, предстающий в ритуалах “очеловечивания” (в первом пеленании, крестинах, постригах) как символ приобщения к семье, роду, а для мальчика являвшийся прототипом мужественности, в воспитании сына почти не участвовал» [Там же]. Эта практика была связана с самим представлением о мужчине как существе разумном, а потому, в отличие от женщины, обладающем всей полнотой человечности. Его участие в жизни ребенка предполагает уже проявленные признаки «мужевания» или «мужукания» (рассуждения, соображения). Другими словами, разумность и авторитетность отца непосредственно предполагают его **неучастие** в жизни ребенка в течение первых лет. В некоторых культурах эта практика избегания младенцев приводит к возникновению и распространению жестких обычаев инициации подростков, ритуалов приобщения к мужскому сообществу. Необходимость в таких ритуалах отпала бы сама собой в том случае, если бы отцы занимались своими детьми с самого их рождения. Как отмечает Элизабет Бадентэр, «патриарх был воплощением закона, авторитета, превосходства, но при этом мало кто обращал внимание на то, что патриархат характеризовался также и тем, что отцы бросали своих детей. Само собой разумеется, что маленький ребенок становился исключительной собственностью матери. Его жизнь начиналась при почти полном незнании отца» [8. С. 271].

Другими словами, классический эталон маскулинности предполагает развитие в мужчине таких качеств, как рассудительность, властность, ориентация на внешнюю реализацию. В семейных отношениях данная модель приводит к формированию феномена «традиционный отец» – кормилец и глава семьи, **отсутствующий** в повседневной жизни младенца до тех пор, пока тот не начнет проявлять человеческие / мужские качества – сообразительность, рассудительность, активность и т.п.

Необходимо также отметить еще один немаловажный признак традиционного отца, тесно связанный с

классическим представлением о «настоящей мужественности». Мужское в противовес женскому презентуется как разумное начало в противовес чувственному. Следовательно, проявление чувств, в том числе и по отношению к своим детям, считается недостойным мужчины. А это, в свою очередь, ведет к отсутствию эмоционального контакта и взаимопонимания со своими детьми, что, конечно, способствует поддержанию дистанции и утверждению властного авторитета отца, однако лишает его искреннего и доверительного отношения со стороны детей. В детстве это выражается в откровенно равнодушном или жестоком обращении с детьми, характерном для традиционного патриарха. Анализируя родительские практики греков и римлян, И.Л. Уссинг отмечает, что ребенок-урод, как правило, был обречен на смерть, а подкидывание здоровых детей, особенно девочек, было совершенно обычной практикой [9. С. 8]. По мере взросления эта дистанцированность приобретала оттенок отчужденности, что могло сильно ранить самого отца. Один из самых красочных примеров подобного результата традиционной педагогики приводит Мишель Монтень. После смерти своего сына маршал де Монлюк был мучим и угнетаем осознанием того, что никогда не проявлял своей нежной любви к нему, усердно скрывая ее за маской равнодушия: «Кому же еще мог я открыть эту нежную любовь, которую я питал к нему в глубине души? Не он ли должен был испытать всю радость этого чувства и проявить признательность за него? А я сковывал себя и заставлял себя носить эту бессмысленную маску; из-за этого я лишен был удовольствия беседовать с ним, пользоваться его расположением, которое он мог выказывать мне лишь очень холодно, всегда встречая с моей стороны только суровость и деспотическое обращение» [10. С. 70].

Таким образом, властный отец нередко оказывался «чуждым» своим собственным детям, не ухаживая за ними в младенчестве, не разделяя их радости и тревоги в юности, оставаясь уважаемым, но «посторонним» человеком для них в зрелости.

Выявленные выше характеристики традиционного отца могут быть обозначены понятием **«отсутствие»**, поскольку, подчиняя отцовскую роль классическому эталону маскулинности, исключали мужчину из чрезвычайно значимых сфер становления личности ребенка.

Иными словами, культивирование в мужчинах таких черт характера, которые соответствуют классической категории мужественности, способствует формированию феномена «традиционный отец». Данный тип отцовства утверждает властные, защитные функции посредством вытеснения отца из жизни ребенка, посредством **отсутствия отца**. Именно эта обратная сторона традиционного отцовства и позволяет говорить о подлинных причинах формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре. Попытка преодоления тенденции «потери отца» посредством возвращения к традиционной модели и культивирования классического эталона маскулинности была бы большой ошибкой, по существу только усугубляющей реальную проблему. Однако именно в таком свете часто рассматривается проблематика отцовства в современной России. Как утверждает И.С. Клецина, «традиционные модели отцовства сохраняются в нашем об-

ществе, более того, они активно поддерживаются и насаждаются» [2. С. 38].

Итак, что же характеризует современных «отсутствующих отцов»? Игорь Кон разъясняет представление о современном отцовстве посредством следующих четырех характеристик:

«1) рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье;

2) незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими;

3) педагогическая некомпетентность, неумелость отцов;

4) незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми» [11. С. 271].

Как видим, все, кроме первого, признаки «отсутствующего отца» уже встречались у «отца традиционного», а следовательно, также могут быть поставлены в зависимость от классического эталона маскулинности. Мужчины не умеют выражать свои чувства, заботиться о детях, тем более в младенческом возрасте, не заинтересованы в эмоциональной близости с детьми, остаются чуждыми для них в зрелом возрасте. Более того, современные трансформации на рынке труда, появление конкуренции с женщинами лишают мужчину традиционного места главы семьи и ее единственного кормильца, а следовательно, избавляют его от обязанности физического присутствия в семье. Но даже там, где формально сохраняется полная семья, «отсутствующий отец» – явление нередкое. Как отмечает И.С. Клецина, «такое исполнение отцовской роли в наибольшей степени характерно для мужчин, работающих в старом секторе экономики и занятых трудом невысокой квалификации. Они не видят перспективы в передаче детям своих навыков и того, чему их учили родители, у них значительно снижен интерес к занятиям как с сыновьями, так и с дочерьми. Такие отцы, по свидетельству матерей, демонстрируют худшие образцы самодовольствия в своей маскулинности – авторитарность, агрессию, насилие, уход в алкоголизм. Основная стратегия общения с подростками в таких случаях – запреты и наказания вместо поощрения и демонстрации положительных видов деятельности» [2. С. 39].

Отрицательные последствия «отсутствующего отцовства» в обоих его проявлениях ярко демонстрируют социологические исследования. Как показывают, например, опросы школьников, только 8% подростков из неполных семей рассматривают своего отца как пример для подражания. В полных семьях этот показатель выше только на 10%. Более того, за советом в сложных жизненных ситуациях к отцу обращаются только 20% подростков из полных семей и только 6% из неполных [12]. В неполной семье «потеря отца» в серьезной степени повышает экономическую, хозяйственную, воспитательную и эмоциональную нагрузку на мать, что также в определенной степени отрицательно сказывается на ее взаимоотношениях с ребенком. Поэтому почти треть подростков из неполных семей вообще ни с кем не советуется, что порождает феномен «массового социального одиночества детей» [Там же].

Более того, в ситуации «отсутствия отца» ребенок не получает полноценного представления об отцовской

роли в семье, что в дальнейшем влияет и на его отношения с собственными детьми, и на понимание ценности отцовства в целом. Роль отца в семье все чаще представляется либо незначительной, либо отрицательной и разрушительной. Т.А. Гурко, основываясь на исследовании общественного мнения в сфере родительства в Туле и Санкт-Петербурге, утверждает, что «среди молодого поколения и женщин, и мужчин в сравнении с “советским” гораздо реже встречаются такие стереотипы, как “долг каждой женщины быть матерью, а мужчины – отцом”... Примечательно, что межпоколенческие различия оказываются более существенными, нежели различия во взглядах по полу» [13. С. 96–97]. То есть поколение советских женщин и мужчин еще воспринимает семью довольно традиционно, а отсутствие своих отцов считает тяжким последствием войны и репрессий. В то время как воспитанные ими дети перестают понимать положительное значение отцовства и не имеют сформированной ролевой модели отца. Павел Астахов подчеркивает: «Выросло уже не первое поколение, которое просто не понимает, зачем нужна семья» [14]. Как замечает Н.С. Ремнева, «у нас патриархальная семья разрушилась, рухнули старые стереотипы, а новые ценности, новые отношения только-только начинают формироваться, но чаще со знаком минус. Наиболее деформирована роль отца в семье, а порой его нет в семье вовсе. Вместо роли добытчика, защитника, носителя чести и достоинства семьи он превращается в тунеядца, пьяницу, насильника... Деградация отцов чаще всего ведет к распаду семей, безнадзорности детей, к развалу экономики, обороны, к потере национальной безопасности и здоровья нации» [15. С. 14].

Ситуация в сфере родительства настолько сложна, что ее осмысление формирует образ довольно однозначной дилеммы: либо авторитарный отец традиционной культуры, либо засилье в обществе всех видов и подвидов отсутствующих отцов. Однако эта дилемма – плод поспешного и ложного по существу анализа назревшей в обществе проблемы. Дело в том, что образ властного патриарха, будучи неадекватен реалиям современной культуры, в настоящем встречается довольно редко, исторически он вытеснен в прошлое. Это вытеснение привело – совершенно закономерно, хотя стратегически и неоправданно – к его идеализации. Идеализация пережитой формы отцовства – открытие не нашей культуры и не нашего века. По меткому замечанию Игоря Кона, «на ослабление или неэффективность института отцовства жаловались и ветхозаветные пророки, и древние греки классического периода, и французские просветители XVIII века, и русские писатели XIX века» [16. С. 303]. Желание все происходящее втиснуть в классическую схему исключительно хорошего прошлого и исключительно дурного настоящего заставляет игнорировать тот факт, что «отсутствующее отцовство» реализует и развивает как раз те черты отцовства «традиционного», которые ранее не были осознаны и осмыслены. Иными словами, феномен отсутствующего отцовства должен быть рассмотрен в тесной связи с традиционной моделью и классическим эталоном маскулинности, ее обуславливающим.

Классический эталон маскулинности, разработанный и утвержденный в рамках западной дуалистиче-

ской философии, предполагает обязательным и онтологически обоснованным реализацию мужчиной следующих качеств:

1. Трансцендентность.
2. Духовность.
3. Разумность.

Традиционное отцовство предполагает реализацию мужчиной в семье следующих качеств:

1. Обеспечение и защита семьи как следствие реализации во внесемейном пространстве. Физическое отсутствие в жизни ребенка, по крайней мере, в младенческом возрасте.

2. Сверхчувственность, то есть отсутствие чувственных проявлений в отношении детей, отстраненность от их повседневных переживаний, отсутствие эмоционального контакта с детьми.

3. Сверхтелесность (соматофобия): отсутствие телесного контакта с детьми (объятий, прикосновений), символическое и отстраненное присутствие в их жизни.

Отсутствующее отцовство предполагает:

1. Ориентированность на внесемейную сферу. Физическое отсутствие отца в семье.

2. Полное отсутствие эмоционального контакта с детьми, отчужденность, дистанцированность. Неумение и нежелание находить искренний и дружественный контакт с детьми.

3. Отсутствие телесного контакта с ребенком как следствие эмоционального и / или физического отсутствия отца в семье.

Приведенное сопоставление традиционной и отсутствующей отцовских ролевых моделей показывает неразрывную связь классического представления о том, что должен собой представлять «настоящий мужчина» с реальными практиками отцовства, которые обладают в нашей стране прямой смысловой и поколенческой преемственностью. Традиционный уклад семьи был искусственно разрушен в Советской России к середине XX в., что привело к масштабному распространению семей с не по своей воле отсутствующими отцами. И новое поколение, уже не знавшее патриарха, стало осознать отцовство как необязательную вариативную схему для самоидентификации. Таким образом, властную отстраненность традиционного отца сменила безответственная, потерянная, лишенная каких бы то ни было положительных ориентиров отстраненность отсутствующего отца. «Беда российского общественного сознания, – отмечает Игорь Кон, – подмена трезвого социологического подхода к отцовству примитивной морализацией, когда весь мир делится на “плохое” и “хорошее”, и надежда на то, что все проблемы могут быть решены с помощью денег и административного ресурса. Как справедливо замечает Ирина Рыбалко, когда политики говорят, что в России нужно возрождать отцовство, они имеют в виду авторитарный стиль отца, который безнадежно уходит в прошлое. В том же духе выступает РПЦ, призывающая вернуть в семью “старинный уклад”» [16. С. 385].

Философская стратегия преодоления феномена «отсутствующий отец» в современной культуре. Тенденция «потери отца», как следует из приведенных выше аргументов, тесно связана с основными характеристиками мужественности как классической фило-

софской категории. Поэтому социальная проблема отцовства должна решаться, во-первых, посредством замены традиционного эталона маскулинности новым представлением о мужественности, лишенным «антиженственного» содержания и связанных с ним негативных последствий. А во-вторых, необходимо разработать такой философский подход к пониманию мужественности и отцовства, который через экспликацию тесной связи феноменов «традиционного» и «отсутствующего» отцовства обнаруживал бы всю ошибочность идеализации первого из них и противопоставления их друг другу.

Как отмечает основатель Краевого кризисного центра для мужчин в г. Барнауле Максим Александрович Костенко, «норма антиженственности (как и норма успешности) мешает полноценной реализации мужской отцовской практики. Поскольку очень важная часть функционирования человека в качестве родителя – это нежность, забота, постоянная эмоциональная поддержка, потребность часто обнимать ребенка и говорить ему, что любишь его, то многим мужчинам сложно даются такие и подобные действия, так как они связывают их с женственностью, а социализация учила их избегать любых проявлений женственности. В результате многие люди подрастают, оставаясь в неведении, любили ли их отцы по-настоящему или нет» [17. С. 22].

Другими словами, одно из самых важных условий преодоления Россией современной кризисной ситуации – это восстановление здоровья семьи, возвращение

отцов к детям. Возвращение эмоциональное, деятельное, радостное. Нашему обществу нужна здоровая семья, и она достижима не через возвращение к идеалу традиционного отца семейства – властного, рационального и отстраненного, но только через смену фундаментальных установок в понимании гендерных ролей не только женщин, но и, главным образом, мужчин. Современность требует новой модели маскулинности, которая может быть эксплицирована не через искусственное противопоставление якобы только мужских и только женских качеств. Но через ответственное отцовство, в котором мужчина не должен чуждаться глубокой эмоциональной привязанности к своим детям, не должен считать потерянным для своего статуса «настоящего мужчины» время, проведенное в радостном и плодотворном общении с собственным ребенком.

Как замечает современная французская исследовательница «мужского вопроса» Элизабет Бадентэр, «тесный контакт с отцом с самого рождения избавляет мальчика от огорчений и страданий на пути обретения мужественности. Причем эта мужественность будет менее антагонистичной, менее демонстративной, чем традиционная. Она будет основываться на тонких различиях, которые станут столь же естественными завтра, сколь вчера был очевиден оппозиционный дуализм. Отцовская революция, едва начавшаяся сегодня, должна произвести большие перемены для будущих поколений и принести новую мужественность, более разностороннюю и более тонкую, чем традиционная» [8. С. 289].

ЛИТЕРАТУРА

1. *РИА Новости*. URL: <http://ria.ru/society/20120426/635705515.html#ixzz2FZF5Mfc2> (дата обращения: 20.12.2012).
2. *Клецина И.С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3 (52). С. 29–41.
3. *Ушакин С.А.* Поле пола. Вильнюс : ЕГУ ; Москва : Вариант, 2007. 320 с.
4. *Жеребкин С.* Гендерная проблематика в философии // *Введение в гендерные исследования : учеб. пособие*. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. I. С. 390–426.
5. *Гросс Э.* Изменяя очертания тела. Гендерная проблематика в философии // *Введение в гендерные исследования*. Ч. II. Хрестоматия. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 599–622.
6. *Вейнингер О.* Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротике. М. : Форум XIX – XX – XXI, 1991. 191 с.
7. *Холодная В.Г.* Отцовское наказание в воспитании мальчика-подростка у восточных славян в конце XIX – начале XX в. // *Мужской сборник*. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор / сост. И.А. Морозов ; отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М. : Лабиринт, 2004. С. 170–177.
8. *Бадентэр Э.* Мужская сущность / пер. с фр. И.Ю. Крупичевой, Е.Б. Шевченко. М. : Новости, 1995. 304 с.
9. *Уссинг И.Л.* Воспитание и обучение у греков и римлян / пер. Н. Новопашенный. СПб. : Типография В. Безобразова и комп., 1878. 175 с.
10. *Мишель Монтень.* Опыты. Избранные произведения : в 3 т. / пер. с фр. М. : Голос, 1992. Т. 2. 560 с.
11. *Кон И.С.* Ребенок и общество : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 336 с.
12. *Рогожина М.В.* Формирование представлений об отцовстве у юношей из неполных семей // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2011. № 6 (14). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2011/01/1.pdf> (дата обращения: 20.12.2012).
13. *Гурко Т.А.* Вариативность представлений в сфере родительства // *Социология семьи*. 2000. № 11. С. 90–97.
14. *Права детей: предложения Павла Астахова* // *Ежедневное интернет-СМИ «Православие и мир»*. URL: <http://www.pravmir.ru/pavel-astaxov> (дата обращения: 20.12.2012).
15. *Ремнева Н.С.* Перспективы развития региональной семейной политики в отношении отцовства как социального института // *Ответственное отцовство: миф или реальность?* : сб. ст. / под общ. ред. М.А. Костенко, Н.С. Жабиной. Барнаул : Мужской разговор, 2002. С. 13–14.
16. *Кон И.* Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
17. *Костенко М.А.* Отцовство как социальная практика современного мужчины: проблемы осуществления // *Ответственное отцовство: миф или реальность?* : сб. ст. / под общ. ред. М.А. Костенко, Н.С. Жабиной. Барнаул : Мужской разговор, 2002. С. 15–22.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 28 декабря 2012 г.